

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы открываем новую рубрику «Из истории отечественной мысли о музыке» статьей Т.Ю. Масловской, посвящённой Л. Сабанееву, и работой Л. Сабанеева «Клод Дебюсси». В последующих выпусках журнала будет продолжена публикация малоизвестных российскому читателю трудов Сабанеева и других ученых.

FROM THE EDITOR

We are opening the new rubric "From the History of Domestic Thought about Music" with the article by Tatiana. Y. Maslovskaya, devoted to L. Sabaneyev, and with the work by Leonid L. Sabaneyev "Claude Debussy". The next journal issues will continue publishing little-known to the Russian readers works by Sabaneyev and other scholars.

ISSN 2782-3601 (Print), 2782-361X (Online)
УДК 7.072

DOI: 10.17674/2782-3601.2021.4.039-046

Т.Ю. МАСЛОВСКАЯ

г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9004-7894

**Музыкальный мир Леонида Сабанеева.
К 140-летию со дня рождения**

Л.Л. Сабанеев. Последние годы жизни (из семейного архива).

Статья является предисловием к публикации работы Л.Л. Сабанеева «Клод Дебюсси» (1922) и представляет собой краткий обзор музыкально-критической, научной и композиторской деятельности одного из самых оригинальных и независимых русских критиков Серебряного века и Русского зарубежья. Благодаря появлению новых записей музыкальных произведений

Сабанеева, публикации некоторых трудов, написанных в России, и особенно – знакомству с архивом, полученным из Франции от дочери Сабанеева В.Л. Ланской, некоторые привычные и давно сложившиеся представления о творчестве Сабанеева претерпели определённые коррективы. Так, возможность услышать запись двух фортепианных трио, одно из которых стало (по признанию Сабанеева) эскизом к грандиозной оратории Апокалипсис на текст Откровения Св. Иоанна, поколебало мнение о безусловной принадлежности Сабанеева к композиторам скрябинского круга. То же произошло и с надолго укоренившимся представлением о Сабанееве как авторе по преимуществу одной темы, опять же связанной с творчеством Скрябина и его мистическими идеями. Подобную точку зрения опровергают научные труды и публицистика о самых разных явлениях музыкальной жизни и разных персоналиях, созданные в России, и особенно – статьи, написанные в эмиграции, круг тем которых еще более широк, а некоторые прежние приоритеты поменялись, иногда на почти противоположные.

Ключевые слова: Л.Л. Сабанеев, музыкальный мир, А.Н. Скрябин, критические статьи, эмиграция, французский архив.

Для цитирования / For citation: Масловская Т.Ю. Музыкальный мир Леонида Сабанеева. К 140-летию со дня рождения // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2021. № 4. С. 39–46. DOI: 10.17674/2782-3601.2021.4.039-046

TATIANA Yu. MASLOVSKAYA

Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9004-7894

Leonid Sabaneev's Musical World. To the 140th Anniversary

The article is a preface to the publication of the work “Claude Debussy” by L.L. Sabaneev (1922) and is a brief overview of the musical-critical, scientific and composing activities of one of the most original and independent Russian critics of the Silver Age and the Russian Diaspora. Thanks to the emergence of new recordings of Sabaneev's musical works, the publication of some works written in Russia, and especially the acquaintance with the archive received from France from the daughter of V.L. Lanskoj, some familiar and long-standing ideas about Sabaneev's work have undergone certain adjustments. Thus, the opportunity to hear a recording of two piano trios, one of which became (according to Sabaneev) a sketch for the grandiose oratorio Apocalypse on the text of the Revelation of St. John, had shaken the opinion about Sabaneev's unconditional belonging to the composers of the Scriabin circle. The same thing happened with the long-rooted idea about Sabaneev as the author of mainly one topic, again connected with the work of Scriabin and his mystical ideas. Such a point of view is refuted by scientific works and journalism about the most diverse phenomena of musical life and various personalities created in Russia, and especially articles written in emigration, the range of topics of which is even wider, and some of the previous priorities have changed, sometimes almost opposite.

Keywords: L.L. Sabaneev, musical world, A.N. Scriabin, critical articles, emigration, French archives.

После переиздания «Воспоминаний о Скрябине», ознаменовавших возвращение Л.Л. Сабанеева к российскому читателю, прошло чуть более 20 лет. За это время написанное Сабанеевым постепенно возвращалось из «небытия», хотя и не так скоро, как хотелось бы. Были переизданы (также в издательстве «Классика–XXI») «Воспоминания о Танееве» и изданы впервые «Воспоминания о России», куда вошли статьи, написанные в эмиграции. А в 2021 году издательство «Канон+» выпустило под одной обложкой три разные по темам и жанрам работы Сабанеева: «История русской музыки», «Музыка после Октября» и «Еврейская национальная школа в музыке» [6].

«История русской музыки» (1924), как и написанная годом позже «Всеобщая история музыки», – отклик на призыв создать новую педагогическую литературу для приобщения к культуре «масс», особенно молодёжи. Это оригинальные и, к сожалению, почти неизвестные учебные пособия, где автор даёт практически весь срез русской и европейской музыкальной жизни, затрагивая такие области, которые в учебники не попадали, например, о разных социальных группах слушателей и разном восприятии музыки – мысль, как никогда актуальная в современной ситуации.

«Еврейская национальная школа в музыке» (1924) – первая работа, освещающая деятельность Общества еврейской народной музыки и композиторов национальной школы «извне», человеком, не являющимся членом Общества и специалистом в гебраистике, но горячо сочувствующим молодой национальной музыкальной школе. Брошюра переведена на несколько языков, переиздавалась в Израиле и за почти 100 лет со времени выхода в свет не утратила своего значения.

«Музыка после Октября» (1926) – смелая попытка описать и оценить ситуацию в музыкальном мире России после 1917 года с расстояния ещё слишком короткой «исторической дистанции».

Уже на примере этих немногочисленных «возрождённых» трудов Сабанеева очевидно, что он не был автором одной темы, каким его привыкли считать: до революции – благодаря работам о Скрябине, что выразилось в известном, но не вполне справедливом афоризме В.В. Держановского «Аллах Скрябин и его пророк Сабанеев». Сам Леонид Леонидович отводил себе в отношениях со Скрябиным роль слушателя и ни в коей мере не собирался становиться пророком или идейным вдохновителем. Сабанеев, как и Скрябин, видел «пророком» Б.Ф. Шлёцера¹: «Александр Николаевич очень любил Бориса Федоровича и искренне считал его своим провозвестником и как бы «пророком» [5, с. 197]. В 1920-е годы, особенно после выхода в свет «Воспоминаний о Скрябине» (1925), это заблуждение ещё более укрепилось, и Сабанеева продолжали критиковать именно за работы о Скрябине. В результате критики, которая стала ещё более ожесточённой после его эмиграции в 1926 году, читатели были лишены возможности познакомиться с превосходными работами 1910–1920-х годов о Вагнере, Дебюсси, Равеле, теоретическими исследованиями: «Психология музыкально-творческого процесса», «Этюды Шопена в освещении закона золотого сечения» и особенно – «Музыка речи», которое чрезвычайно высоко ценили все, кому удалось его найти.

Перечитывая сейчас «Воспоминания о Скрябине» – лучшую и поистине блистательную книгу Сабанеева, запечатлевшую опыт творческого, научного, духовного постижения скрябинского мира, трудно понять, чем же она могла настолько воз-

мущать оппонентов автора, что эстафета недоброжелательной и явно предвзятой критики передавалась следующим поколениям? Может быть, оппоненты чувствовали, что книга, написанная Сабанеевым на переломе собственной судьбы, – не только монография или мемуары: это повесть о конце семьи, конце эпохи, конце русского музыкального мира, каким его «воскресил» Сабанеев, попрощавшись с ним навсегда и не засвидетельствовав почтения реалиям новой жизни.

Среди своих современников и товарищей по «музыковедческому цеху», многие из которых имели и музыкальное, и университетское образование (Ю. Энгель, В. Каратыгин, Л. Оссовский...), Сабанеев выделяется удивительно гармоничной совместимостью разнонаправленных, казалось бы, полюсов: профессор Московского университета, автор научных работ по математике и зоологии и музыкант в «трёх лицах» – композитор, пианист, критик («... я так и не знал, что я в самом деле, ученый или музыкант» [4, с. 8]). Но это не был дуализм противоположностей. Математический склад ума обнаруживает себя в работах о музыке. Он помог 15-летнему подростку без особых усилий постичь всю премудрость танеевской контрапунктической школы (С.И. Танеев возлагал большие надежды на своего любимого ученика, которого воспитывал с девяти лет, но ученик выбрал другой путь, далёкий от вкусов и пристрастий учителя). Вопросы, которые интересовали Сабанеева в математических и естественнонаучных исследованиях, в частности, проблемы симметрии, развиваются и в теоретических трудах о музыке, например, в брошюре «Этюды Шопена в освещении закона золотого сечения». Наконец, характерные особенности его критических статей – краткость, логичность, умение в малое вместить многое – также свидетель-

ствуют об особой, «математической», дисциплине мышления.

В композиторском творчестве Сабанеева результаты занятий с Танеевым сказались в логике построения формы целого, в разработке музыкального материала и полифонической оснащённости. Но процесс сочинения музыки и её эмоциональный тон совершенно иные. В работе «Психология музыкально-творческого процесса» Сабанеев пишет об особой в его творческой жизни роли сновидений: «Я не могу не обратить внимания на этот своеобразный звуковой мир представлений, обособленный и от воли в главной массе независимый, с точки зрения его несомненного сходства со сновидениями» [7, с. 4]. Подобный тип творчества гораздо ближе скрябинскому. Сабанеев приводит слова Александра Николаевича в «Воспоминаниях о Скрябине»: «Какие мне снятся иногда, не сны, а видения! ... это великое наслаждение, звуки в образах...» [5, с. 56]. Но даже то небольшое из сочинений Сабанеева, что нам известно, едва ли подтверждает его репутацию композитора скрябинского круга. Она сложилась на основе ранних фортепианных пьес и, особенно, наиболее известного сочинения – Сонаты для фортепиано op. 15 памяти Скрябина (1924) с программой из стихотворного текста «Предварительного действия» и отзвуками его последних творений. Однако в рецензии 1915 года на фортепианные поэмы op. 11 и Четыре фрагмента op. 13, подписанной инициалами *В.К.* (по всей вероятности, это В. Каратыгин), обращает на себя внимание следующее замечание: «Общее, своё выражение произведений Сабанеева выделяет его из ряда последователей Скрябина. На пьесах... есть особая печать энергии, мужественности, индивидуального духовного склада, что вместе с интересной гармонией и выразительным тематическим

складом даёт им свою незаурядную силу» (Цит. по: [2, с. 164]). Наблюдения критика подтверждают и два фортепианных трио, записанные в Германии на фирме Genuin в 2012 году.

Стилистически сочинения 1910–1920-х годов вполне отвечают новейшим тенденциям времени. Леонид Леонидович считал, что путь эволюции его музыкальных вкусов «в сторону модернизма» шёл от Римского-Корсакова, у которого он брал уроки в Петербурге. Не последнюю роль сыграли восторженное увлечение Вагнером и, конечно, погружение в мир музыки Скрябина (особенно его последних сочинений), ставшего для Сабанеева родной стихией. Он живо интересовался открытиями в области музыкального языка (например, явлением ультрахроматизма), пытаясь осмыслить их в научных статьях. Интересно, что упомянутый выше В.К. относит Сабанеева к плеяде молодых композиторов: А. Станчинскому, А. Крейну, Н. Мясковскому, С. Прокофьеву, способных «сильно колыхнуть мертвое болото нашей... фортепианной литературы» (Цит. по: [2, с. 165]).

Во Франции Сабанеев продолжал писать музыку преимущественно в крупных жанрах: балет «Лётчица», симфонические сочинения и грандиозная оратория Апокалипсис на текст Откровения Св. Иоанна – главное творение своей жизни, не надеясь никогда его услышать. Им, возможно, он завершил свой непрерывный внутренний диалог со Скрябиным и идеей «Мистерии».

Сабанеев был прекрасным пианистом, выступал в публичных концертах в России и в эмиграции. Известно о его исполнении «Прометея» в собственном переложении, наизусть, к удивлению Танеева и самого Скрябина. Впрочем, наизусть он исполнил на пари всю оперу Вагнера «Тристан и Изольда».

Феноменальная память и общая музыкальная одарённость в сочетании с блестящим литературным даром, широкой эрудицией и острой наблюдательностью позволили Сабанееву стать одним из самых ярких и оригинальных музыкальных критиков Серебряного века. С 1908 по 1917 год для журналов («Музыка», «Аполлон», «Мелос», «Музыкальный современник») и многочисленных газет им было написано огромное количество статей. Как в композиторском творчестве, так и в амплуа музыкального критика Сабанеев стоял в эти годы на передовых позициях. Вкусы его были субъективны, суждения независимы и иной раз беспощадны, и не удивительно, что он приобрёл не только почитателей, но и ярких противников, а то и врагов. И, вероятно, было немало таких, кто обрадовался скандалу, чуть не погубившему репутацию Сабанеева, отголоски которого не затихли и поныне. Причиной стала публикация на несостоявшееся исполнение «Скифской сюиты» Прокофьева, когда все решили, что критик написал о музыке, которую не знал. Однако это не совсем так: «справедливости ради нужно отметить, что Сабанеев все же был знаком с музыкой сюиты, – и в этом признается сам Прокофьев: “... Сабанеев от своей агентуры имел очень точную информацию о ней и, если бы услышал, вероятно, не изменил бы ни слова в своей статье”» [2, с. 40].

Критические статьи Сабанеева, опубликованные до отъезда во Францию, никогда не переиздавались, и найти их можно только в старых журналах и газетах, имеющихся в немногих крупных библиотеках. Больше повезло, как бы это ни казалось странным, статьям, написанным в эмиграции. Малая, но весьма «представительная» их часть опубликована в сборнике «Воспоминания о России», благодаря знакомству с материалами архива, сохра-

нённого дочерью Сабанеева В.Л. Ланской и переданного ею на родину. Содержимое архива подробно описано в статье «О времени и о себе: Французский архив Леонида Сабанеева» [3], поэтому остановимся лишь на наиболее существенных моментах.

Как и на родине, за границей Леонид Леонидович сотрудничал с разными журналами и газетами, преимущественно с «Современными записками» и газетой «Русская мысль» (Париж), «Новое русское слово» и «Новый журнал» (Нью-Йорк). Темы статей стали ещё разнообразнее, чем до отъезда из России, большинство посвящено русской культуре, и в целом они представляют собой мемуары участника и очевидца блестящей эпохи Серебряного века. Главный герой этих публикаций – «русский музыкальный мир», включающий в свои границы и науку, и литературу, и быт, и политику. За границей Сабанеев очень много писал на политические темы, но все эти статьи хранятся в архиве Колумбийского университета и практически недоступны.

По-видимому, время и жизненные испытания сгладили нетерпимость и резкость прежних взглядов и принципиальных позиций. Но гораздо важнее, что некоторые из этих взглядов поменялись на едва ли не противоположные. Так произошло с оценкой творчества И. Стравинского и С. Прокофьева, к которым раньше Сабанеев не благоволил. И особенно интересный пересмотр позиций произошёл в отношении А. Скрябина и С. Рахманинова, почти поменявшихся местами в сабанеевской иерархии ценностей. Об этом свидетельствует даже знаменательный «ракоход» в названии поздней статьи: «Рахманинов и Скрябин» (1956) по отношению к ранней «Скрябин и Рахманинов» (1912). Статьи о Скрябине стали суше, из них исчез былой «экстаз» и восторг; веро-

ятно, сказалась и усталость от многолетних нападков критики. И теперь Сабанеев воздавал должное Рахманинову (которого, по собственному признанию, в своё время «проглядел»), отмечая его гениальность пианиста, композитора и дирижёра и, особенно, редкое человеческое благородство. Заметим, что статьи о Рахманинове были написаны после смерти Сергея Васильевича, поэтому их следует признать абсолютно искренними и объективными.

Статьи Сабанеева, став более объективными и спокойными по общему эмоциональному тону, не потеряли оригинальности и независимости суждений. Значительная их часть написана к юбилейным датам, но творческие портреты совершенно свободны от елейного восхваления, и главное их достоинство – умение кратко, но при этом полно и многосторонне охарактеризовать «героя», подчеркнув детали, освещающие каждый такой портрет оригинально и неповторимо. Для Сабанеева люди, которым посвящены статьи, не были «памятниками», лишёнными человеческих слабостей и недостатков. Почти всех он знал лично, от А. Рубинштейна, Чайковского, Л. Толстого, Вл. Соловьёва, с которыми был знаком с детства, до его молодых современников, ещё при жизни признанных гениями. Потеряв своего взыскательного читателя в России, Сабанеев писал для эмигрантской публики, весьма пёстрой и в основной массе далёкой от искусства, но его статьи ждали и с удовольствием читали музыканты, литераторы, театральные деятели. Об этом свидетельствуют восторженные отклики Рахманинова и М. Алданова, Н. Малько и Л. Леонидова...

* * *

Среди воспоминаний о прошлом обращает на себя внимание статья под названием «Чудаки» [4, с. 158–172]. Написанная с присущим Сабанееву остроумием,

не уступающим юмористическим рассказам Н. Тэффи или А. Аверченко, начинается она в другой, «минорной», тональности: «Россия всегда была поставщицей несравненных чудаков. Некоторых из них хотелось бы воскресить в памяти: ведь это – мир ушедший, и вновь таких уже не будет никогда. Будут другие, возможно; но не те, потому что «те» были кровно связаны с ушедшим жизненным укладом. А

может быть, и вовсе переведутся они, если удадутся старинные и неизменные мечты русских царей, императоров и революционеров об острижении под гребенку всех российских граждан – на предмет полного порядка и уравнивания» [3, с. 158]². Мысль провидческая, глубокая и не утратившая своей актуальности в наши дни. Как, впрочем, и большинство из созданного Л.Л. Сабанеевым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шлэцер (Schloezer de) Борис Фёдорович (1881–1969) – французский писатель, литературный и музыкальный критик. Выходец из России, с 1921 жил во Франции.

² Удивительно, что нечто подобное встретилось среди высказываний нашего совре-

менника, замечательного ученого-энциклопедиста С.С. Аверинцева: «В нашей культуре то нехорошо, что нет места для тех, кто к ней относится не прямо, а косвенно, – для меня, например. В Англии нашлось бы оберегаемое культурой место чудака» (Цит. по: [1, с. 107]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 415 с.
2. Максименко А.О. Леонид Сабанеев: Terra incognita. Дипломная работа. Владивосток, 2012. 171 с.
3. Масловская Т. «О времени и о себе»: Французский архив Леонида Сабанеева // Музыкальная академия. 2011. № 4. С. 133–140.
4. Сабанеев Л.Л. Воспоминания о России / сост., предисл. Т.Ю. Масловская; коммент. С.В. Грохотов. М.: Классика-XXI, 2004. 268 с.
5. Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. М.: Классика-XXI. 2000. 400 с.
6. Сабанеев Л.Л. История русской музыки. Музыка после Октября. Еврейская национальная школа в музыке. М.: Канон-Плюс. 2021. 296 с.
7. Сабанеев Л. Психология музыкально-творческого процесса. М.: Российская академия художественных наук, 1923. 23 с.

Об авторе:

Масловская Татьяна Юрьевна, кандидат искусствоведения, профессор (125040, Москва, Россия), **ORCID: 0000-0002-9004-7894**, tmaslovskaya@list.ru

REFERENCES

1. Gasparov M.L. *Zapisi i vypiski* [Notes and Extracts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 415 p.
2. Maksimenko A.O. *Leonid Sabaneev: Terra incognita. Diplomnaya rabota* [Leonid Sabaneyev: Terra Incognita. Diploma thesis]. Vladivostok, 2012. 171 p.
3. Maslovskaya T. «O vremeni i o sebe»: Frantsuzskiy arkhiv Leonida Sabaneeva [About Time and About Myself: The French Archive of Leonid Sabaneyev]. *Muzykal'naya akademiya* [Music Academy]. 2011. No. 4, pp. 133–140

4. Sabaneev L.L. *Vospominaniya o Rossii* [Memories of Russia]. Compilation, foreword by T.Yu. Maslovskaya; comments by S.V. Grokhotov. Moscow: Klassika-XXI, 2004. 268 p.
5. Sabaneev L.L. *Vospominaniya o Skryabine* [Memories of Scriabin]. Moscow: Klassika-XXI. 2000. 400 p.
6. Sabaneev L.L. *Istoriya russkoy muzyki. Muzyka posle Oktyabrya. Evreyskaya natsional'naya shkola v muzyke* [History of Russian Music. Music After October. Jewish National School in Music]. Moscow: Kanon-Plyus. 2021. 296 p.
7. Sabaneev L. *Psikhologiya muzykal'no-tvorcheskogo protsessa* [Psychology of Musical Creative Process]. Moscow: Rossiyskaya akademiya khudozhestvennykh nauk, 1923. 23 p.

About the author:

Tatiana Yu. Maslovskaya, PhD (Arts), Professor (125040, Moscow, Russia),
ORCID: 0000-0002-9004-7894, tmaslovskaya@list.ru

